

«А вы не боитесь, что она у вас что-нибудь выкинет — как Овсянникова?»»

10 июня 2022

После 24 февраля многие журналисты уходят из российских государственных и провластных изданий ([например](#), из агентства ТАСС и с телеканала RT). Единицы из них сопровождают это акциями и публичными заявлениями — как это сделали бывшая сотрудница Первого канала [Марина Овсянникова](#) и [редакторы](#) «Ленты.ру» Егор Поляков и Александра Мирошникова. Информации о том, что происходит с региональным медийным рынком, который государство контролирует ещё активнее, очень мало. При этом очевидно, что за антивоенные высказывания за пределами Москвы наказывают жёстче, притом что внимания к этим случаям гораздо меньше. «Новая вкладка» разыскала корреспондентов и редакторов региональных изданий, которые осуждают российское вторжение — но продолжают работать (или до недавнего времени работали) в СМИ, связанных с государством.

«И захочешь не думать о ***[„спецоперации“] — не получится»

24 февраля журналистка Марина была в командировке в Ростовской области, читать новости ей было некогда. Когда она узнала о том, что случилось, то сначала поверила в заявления российских властей.

— Сначала же они [говорили](#), что будут бомбить только военные объекты. Первый день я ещё лапшу эту как-то держала на ушах. На следующий день захожу в фейсбук (*признан в России экстремистской организацией*) и вижу [фотографии](#) харьковского метро, которое забито людьми: одеяла, какие-то матрасы, дети, еда, — Марина говорит, что в деталях помнит первые дни ***[«спецоперации»].

Она работает в крупной региональной газете о сельском хозяйстве в городе на юге России. Основной доход издания, по её словам, — реклама удобрений и семян, выпускаемых крупными сельхозпредприятиями, частные объявления, например, о продаже излишка рассады или трактора. Немного денег приносит и подписка.

Новости о начале ***[«спецоперации»] потрясли Марину: её бабушка родом из Запорожья, сама она училась в университете в Крыму, ездила в гости к подруге в деревню в Херсонской области на выходные. Она «любила Украину за певучий язык», магазины АТБ и вкусные продукты.

Поначалу Марина (*имя изменено по просьбе героини*) не следила, что и кому она говорила в редакции своей газеты. Открыто выступала против военных действий в Украине и скидывала в рабочий чат кадры с [бомбёжкой школы](#) в Харькове — видео ей прислала подруга, которая в этой школе училась.

24 февраля журналистка написала «Нет войне» на своей странице в фейсбуке (*признан в России экстремистской организацией*), после чего одна коллега — по словам Марины, «вполне здравомыслящий человек» — спросила в личных сообщениях: «Чего ты жопу рвешь за бандеровцев?» И заблокировала её. Другие стали называть Марину «чуть ли не предателем», кто-то шикал: «Молчи лучше, ты же не хочешь, чтобы нас закрыли?»

Марина забыла о книгах и фильмах, перестала высыпаться и с трудом работала. Ей пришлось отключить уведомления в телеграм-каналах — «иначе сохранять ясный разум было бы невозможно».

— Я до сих пор не могу понять, в каком мире нахожусь. Утром не хочу просыпаться, хотя раньше делала зарядку и купалась в роднике, — говорит Марина. — Очень тяжело общаться по работе, когда какой-нибудь фермер посылает видео, где высмеивается армия Украины. Что я должна на такое отвечать?

Спустя неделю после начала *******[«спецоперации»] в газету пришло приглашение от сообщества независимых российских медиа «Синдикат-100» подписать [письмо](#) независимых СМИ, выступавших против *******[«спецоперации»], но большая часть сотрудников отказалась.

— Сказали, грубо говоря, нам не нужны проблемы, мы хотим работать и выпускать газету. У людей кредиты, дети, ипотека. Это здорово удерживает: загремишь на 15 лет [по статье о «фейках» про Российскую армию], а с кем будут твои дети? — объясняет женщина.

Хотя заявление в редакции решили не подписывать, на последней полосе газеты вышла колонка Марины, где она рассказывала о своей дружбе с девушкой Лидой из Украины. Они подружились в 2010 году в Ялте, но Лида отказалась разговаривать со знакомой на русском языке, и Марина была вынуждена перейти на украинский:

— Меня нянчила бабушка. Можно сказать, что украинский — мой самый первый язык, говорю на нём худо-бедно. Я всё это описала в колонке как пример того, что украинцы не хотят себя чувствовать «младшими братьями» и что я переживаю за Лиду. Сейчас бы мы об этом уже не написали: если в первую неделю некоторые СМИ высказывались против *******[«спецоперации»], то сейчас это невозможно.

Кроме этой колонки, в газете не вышло ни одной заметки о *******[«спецоперации»] — «как будто её вообще не существует», — несмотря на то что город находится в сотне километров от границы с ДНР, а рядом расположен военный аэродром. «Постоянно над головой что-то летает: и захочешь не думать о *******[„спецоперации“] — не получится», — говорит Марина. Ей даже начали сниться «эти безумные самолёты».

Она считает, что «ничего не писать» — тоже позиция для газеты, потому что «если посмотреть на районки (районные газеты), то волосы дыбом встанут: они дополняют свои логотипы буквой „Z“ и пишут про патриотические автопробеги».

— А мы уткнулись в сельское хозяйство и какие-то житейские истории. Селянам же не до политики: им надо хлеб сажать и скотину выращивать. Хотя раньше мы и на общественно-политические темы писали, — рассказывает Марина.

Иллюстрация: Анна Иванцова

После прибытия в Россию многих беженцев из Донбасса [отправляют](#) в Ростовскую область, а оттуда поездом в другие регионы.

— наших фермеров напрягают, чтобы они собирали гуманитарку (гуманитарную помощь, — прим. ред.) — картонные коробки с одеждой и едой, ведь всех этих людей надо чем-то кормить! — Марина возмущена, что в их газете об этом не сказано ни слова.

По словам Марины, кроме неё и ещё нескольких человек, почти все в редакции поддерживают решения президента. У некоторых родственники

воюют на стороне ДНР, у других — живут там, поэтому в редакции установили правило: на эту тему не говорить, «чтобы не было никаких склок». Люди либо «за» ***[«спецоперацию»], либо говорят, что «их это не касается». Марина со временем начала понимать их, она говорит, что «когда ты смотришь на все эти ужасы, ты просто не спишь».

— Я на четверть украинка, мой прадед прошёл ВОВ, а сейчас моя страна сбрасывает бомбы на Харьков и Мариуполь. Только потому, что Путину показалось, что кто-то может поставить крылатые ракеты на территории Украины. Их ещё не поставили, а Мариуполя уже нет.

Марина не раз бывала в Мариуполе. Раньше, когда наземные границы с Украиной были открыты, до него из её родного города можно было доехать за два часа на поезде.

— Кто-то всю жизнь пахал, чтобы дом построить. И вдруг всё превращается в пыль: квартиры, семейные альбомы... И люди бегут куда-то со своими рюкзаками. Моя мама, которая наполовину украинка, тоже, кстати, на стороне Путина. Я с ней об этом вообще не разговариваю. Моя лучшая подружка сказала мне: «Марина, своих не бросаем». Я скидываю ей видео с разрушениями в Мариуполе, а она говорит: «Ну и что, это же ***[„спецоперации“]».

Но Марина всё-таки нашла в городе человека, который разделяет её мнение о ***[«спецоперации»]. Этим человеком оказалась её парикмахер.

— Я ей звоню: «Галя, мне нужно подстричься». Она отвечает, что у неё есть время только на Пасху (17 апреля). А я ей: «Галя, да ты что? Это же грех большой — на Пасху подстригаться!» — «Марина, — говорит, — а я вот работаю. И вообще, сейчас ***[„спецоперации“] идёт, а ты боишься на Пасху подстричься». В общем, пошла я к ней, и мы проговорили около часа. А накануне бомба попала в одесский дом, где [погибла](#) девушка с трёхмесячным ребёнком. И вот парикмахерша моя — она плакала.

Иллюстрация: Анна Иванцова

В начале марта собственник газеты объявил сотрудникам, что планирует выпускать её только до середины лета. Официальная причина закрытия — повышение цен на бумагу, но Марина думает, что дело может быть и в цензуре — после её колонки об украинской подруге. Журналистка планирует доработать в газете до июля, а потом надеется устроиться в другое место.

— Но эта ситуация [со ***[«спецоперацией»] загоняет таких, как я, в тяжелейшую депрессию, потому что непонятно, как работать дальше, как договориться с самим собой и не сойти с ума. Становишься таким соглядатаем: просто смотришь и ничего не можешь поделать, — считает Марина.

Она даже думала уехать из России, потому что для её дочери-подростка, которую женщина воспитывает одна, «здесь нет будущего». Но Марина не представляет, как это сделать.

— Куда я поеду, кто меня примет? — рассуждает она. — Я никуда особо дёрнуться не могу. Одна надежда, что эта ***[«спецоперация»] скоро закончится.

«Испорчен цензурой»

Василий Масальский из Калининграда «не стал себя насиловать» и спустя неделю после начала ***[«спецоперации»] сам написал заявление об увольнении. Последние шесть лет он работал редактором на радио «Комсомольская правда» — освещал местную политику и экономику.

— Трудился я со дня открытия радиостанции до 1 марта 2022 года (последний эфир Масальского вышел 4 марта, так как он дорабатывал неделю, — прим. ред.). Поскольку у нас небольшой регион и городок, надо понимать, что редактор — это ведущий и корреспондент. Звучит громко — «редактор», но по сути это швец, жнец и на дуде игрец.

Мысли об уходе стали приходить к Масальскому ещё в прошлом году — с тех пор как в федеральном эфире «стало появляться всё больше пропаганды». В качестве примера Василий приводит программу «Утренний Мардан», в которой, по его словам, «под соусом авторской точки зрения (ведущего, журналиста „Комсомольской правды“ Сергея Мардана) подавалась чистейшей воды пропаганда — в том числе и про Украину».

— И хоть ты лично и не имеешь к этому непосредственного отношения, ассоциировать себя с этой радиостанцией хотелось всё меньше, — рассказывает он.

— В первые дни ***[«спецоперации»] мы не понимали, о каких местных новостях может идти речь. А когда первый шок прошёл, состоялась встреча с редакторами холдинга, на которой нам дали понять, что если нас ломает, если мы не знаем, как работать, то и не надо, — вспоминает Масальский.

После собрания с руководством Василий написал заявление об уходе. Решили, что даже двухнедельная «отработка» не нужна: он передал дела и «просто ушёл в никуда». Кроме Масальского из холдинга уволились ещё несколько человек: «Особых уговоров [остаться] не было, все с понимаем отнеслись к этому решению». Те, кто нашёл компромиссы, остались, потому что «идти больше особо некуда». «Новая вкладка» отправила запрос на радио «Комсомольская правда» в Калининграде, чтобы узнать, проходило ли собрание с руководством, о котором говорит Масальский, и сколько человек уволилось после начала ***[«спецоперации»],

но не получила ответа.

К бывшему редактору международной смены службы городов на Первом канале Марине Овсянниковой и редакторам «Ленты.ру», которые открыто осудили *******[«спецоперацию»] и уволились, он относится «глубоко положительно», хоть и не считает «подобную партизанщину эффективной». Сам Василий не делает громких заявлений — потому что не верит, что это может что-то изменить.

Сейчас Масальский помогает жене с её кондитерским бизнесом и обучается на массажиста: ему нравится работать руками и делать что-то полезное для людей. Возвращаться в журналистику он не собирается. «Работать на условную „Медузу“, редакция которой базируется за границей, чревато „иноагентством“, а российские СМИ мне неинтересны: это либо откровенная пропаганда, либо попытка лавировать между струйками дождя», — объясняет Василий. Он считает, что в журналистику должны прийти новые люди, потому что такие, как он, уже «испорчены цензурой».

— Я слишком долго работал, обложенный красными флажками. Компромиссом являлся сам факт работы под этим брендом. Ассоциироваться с [журналистами «Комсомольской правды» Ульяной] Скойбедой, [Александром] Гамовым, [Виктором] Баранцом, [Александром] Коцом, [а также с генеральным директором «Комсомольской правды» Владимиром] Сунгоркиным и прочими верными путинцами — это очень жёсткий компромисс. И, несмотря на то что я работал по местной повестке, мне часто приходилось сидеть в студии с «единороссовским» сбродом и подыгрывать им, задавая согласованные и удобные вопросы.

«Мало патриотизма»

Ольга (*имя изменено по просьбе героини*) из Бурятии ведёт соцсети частного телеканала в Улан-Удэ. До этого Ольга десять лет проработала журналистом на муниципальном телевидении.

— Если на госканале у нас были методички — с этим мы дружим, этого не трогаем, а этого мы мочим, — то здесь относительная свобода, никаких проговорённых списков нет, — рассказывает она.

Этой весной ситуация изменилась. Канал зависел от рекламодателей, но после введения санкций и роста цен многие компании затянули пояса и отказались от рекламы. Учредитель пытается заключить как можно больше контрактов с властью, чтобы выжить и сохранить коллектив.

— В целом в нашей редакции все против ***[«спецоперации»], нет таких, кто поддерживает. Может, пара человек, и те — водители, — говорит Ольга.

В первую неделю ***[«спецоперации»] в редакцию прислали фотографию объявления в местном магазине, в котором было сказано, что сахар выдаётся по 10 килограммов в одни руки. Фотографию опубликовали вместе с комментарием Минпромышленности о том, что это законно, рассказывает Ольга.

— Так потом директор нас заставила все посты удалить: сказала, что это решение самого главы Бурятии [Алексея Цыденова]. Он считает, что это «провокации нацистов», и у нас в Бурятии такого нет и быть не может. Прошло буквально два дня, я сама пошла в магазин и увидела похожее объявление [про 10 кг сахара в одни руки], и уже никто этого не отрицал. То есть когда федеральные СМИ стали об этом писать, тогда и нам стало можно.

Иллюстрация: Анна Иванцова

Как [пишет](#) «Сибирь.Реалии», Бурятия — лидер по числу потерь на ***[«спецоперации»] в Украине среди регионов Сибири и Дальнего Востока. Когда в марте в республике проходили первые похороны военнослужащих, погибших на ***[«спецоперации»], в присутствии главы региона Алексея Цыденова, на канале, где работает Ольга, это осветили, но без «ура-патриотизма». Если публиковали пост о погибшем, то давали сухую информацию: как человека звали, где именно он жил, остались ли у него дети.

— Я старалась вставлять хоть какие-то «пять копеек», написать, например: «Ивану навсегда осталось 19 лет» в конце, жирно это выделить. Хоть как-то показать бесчеловечность ситуации. Формулировки «боролся с нацизмом» мы не использовали, — говорит Ольга. Она утверждает, что не использовать такие формулировки было позицией издания.

В какой-то момент в администрации это заметили, и учредитель через директора передала сотрудникам, что в издании «мало патриотизма», рассказывает Ольга. Директор канала на общем собрании сказала, что несёт ответственность за коллектив из ста человек: «У всех дети и кредиты, понятно, что все в шоке, но надо сохранить телекомпанию». Ольге дали

распоряжение: не ставить в соцсети данные о погибших.

— А их было по два, три человека в день, — [ставили] только если родственники сами просили об этом. Сейчас информации о погибших нет на сайте администрации региона, она появляется только в чатах жителей в вайбере. А про кого-то пишут на сайте школы, например. Из этих мест мы тоже не можем брать [информацию]: типа [власти] за нами следят. Я не знаю, следят на самом деле или это учредитель так считает.

В апреле глава Бурятии Алексей Цыденов проводил прямой эфир, отвечал на вопросы подписчиков во «[ВКонтакте](#)». Ольга его смотрела, искала интересные новостные поводы для постов (происшествия в регионе или жалобы жителей) и тоже написала два вопроса. Первый касался принятого в апреле 2022 года [законопроекта](#) об упрощённой застройке возле Байкала. Экологи уверены, что этот закон позволяет недобросовестным застройщикам не проводить экологическую экспертизу перед началом строительства на озере. Второй вопрос — про количество погибших на войне в Украине бурятов.

— Понятно, что на мои вопросы никто не ответил. Но позже редактор прислала кусок её переписки с руководительницей горадминистрации по информационной политике. Та скинула ей скрины моих вопросов и спросила: «А вы не боитесь, что она у вас, как Овсянникова, что-нибудь выкинет и вас подставит?» Я ответила, что делаю свою работу как журналист. У главы Бурятии должно быть мнение по таким вопросам. Редактор попросила меня впредь быть осторожнее.

По словам Ольги, администрация не в первый раз делает редакции замечания. Когда в феврале 2021 года в Улан-Удэ собаки [покусали](#) 20-летнюю Татьяну Лоскутникову (она получила серьёзные травмы), Ольга написала в комментарии к новости, что после такого мэр города Игорь Шутенков должен уйти в отставку. «Так руководство мне потом сказало, что так и так — мэр обиделся», — вспоминает она.

Ольга продолжает работать на канале. Руководство, по её словам, приняло решение больше не писать о погибших на войне. Сейчас эфир заполнен обычными новостями: коммуналка, выбоины на дороге, открытие новой школы или детсада. «Так, как хочется освещать ***[„спецоперацию“] —

нельзя, а как требуется — не хочется», — говорит Ольга.

Ситуация с работой Ольги её семье даётся непросто. Мужу Ольги на работе пригрозили увольнением, если она «не успокоится», и он «в целом сильно переживает». Журналистка считает, что «частично сама виновата», потому что «нельзя работать в лояльном властям СМИ и одновременно публично заявлять об отличной позиции». Но бросать работу она не хочет — в том числе и из-за финансовых обязательств перед семьёй. Ольга, по её словам, оказалась «в дурацкой ситуации», когда надо выбрать, на какой ты стороне, поэтому она чувствует будто «ходит с кастрюлей на голове, ничего не решает, а надо бы уже [решить]».

«Ваша папочка сильно распухла»

Валерий Поташов работал в одном из самых крупных интернет-изданий Карелии [«Столица на Онего»](#) почти со дня его основания в 2003 году. Он рассказывает, что, хотя у этого СМИ и были контракты об информационном сопровождении республиканской власти, журналисты достаточно свободно могли писать о российских реалиях. Занимался Поташов политическими и экономическими темами о сотрудничестве региона с Финляндией.

Конфликты с владельцем издания — предпринимателем и вице-спикером карельского парламента Ильёй Раковским — у Поташова, по его словам, были и до начала *******[«спецоперации»] в Украине. В основном они возникали из-за критических материалов о республиканской власти, деятельности губернатора, депутатах карельского парламента и протестных акциях, например, в поддержку Алексея Навального и историка Юрия Дмитриева. Но Поташову обычно удавалось сглаживать углы.

— «Столица» довольно долго позиционировала себя как «либеральное» издание, где были представлены самые разные мнения, от проправительственных и прогубернаторских до явно оппозиционных. — Валерий говорит, что так изданию удавалась наращивать аудиторию и неплохо продавать рекламу.

Писать о *******[«спецоперации»] прямо руководство запретило. «Можно было нарваться на блокировку или штраф — это нас бы убило. На сайте выходили

официальные сводки и заявления провластных структур о том, что экономика, несмотря на санкции, продолжает развиваться», — объясняет Поташов.

Иллюстрация: Анна Иванцова

В своих текстах Поташов продолжал говорить о влиянии ***[«спецоперации»] на регион. Журналист успел написать всего три материала. Первый — о [запрете](#) Евросоюза на поставки древесины из Карелии. Европа была для Карелии одним из основных рынков сбыта древесной продукции: Карелия отправляла в Финляндию берёзовые балансы, которые не так широко используются в России, в Скандинавию — топливные пеллеты, по всей Европе — бумагу, целлюлозу и пиломатериалы.

— Вся эта продукция должна быть сертифицирована, но крупнейшие игроки добровольной лесной сертификации с начала ***[«спецоперации»] прекратили работать с российскими компаниями и приостановили действие их сертификатов. В начале апреля и ЕС, и Россия запретили ввоз и вывоз лесоматериалов в качестве взаимных санкций, — объясняет Поташов.

Второй текст — о возможном [вступлении](#) Финляндии в НАТО. Этот материал как раз отражал главное последствие для региона от вторжения в Украину.

«Затем одна из моих коллег, которая получает информацию от ФСБ, предупредила меня, что „моя папочка сильно распухла“, и сказала, что если у меня есть возможность уехать, лучше уезжать», — вспоминает Валерий. Но журналист подумал, что это «его земля» и он никуда не уедет.

После выхода третьего текста — [интервью](#) адвоката Наталии Черновой о том, за что могут осудить по статье о «фейках» и «дискредитации» Вооружённых сил РФ, собственника издания Илью Раковского, по словам Поташова, вызвали в ФСБ и «намекнули, что журналиста надо убрать». «Новая вкладка» отправила запрос в ФСБ, но на момент публикации этого текста не получила ответа. Илья Раковский сказал «Новой вкладке», что никто не вызывал его в ФСБ по поводу текстов Валерия Поташова. «Они [статьи Поташова] все — на сайте. Соответственно, разговора о том, что журналиста не должно быть в издании, не было», — добавил он.

— Это не было сказано напрямую, но, как я понял со слов главного редактора [Наталии Захарчук], его [Раковского] поставили перед выбором: если вы хотите дальше работать, то меня быть не должно, — рассказывает Поташов. — Я и сам понимал, что коридор свободы настолько узок, что писать скоро будет вообще не о чём.

«Новая вкладка» попросила Наталью Захарчук прокомментировать это заявление Поташова, но не получила ответа.

В конце апреля Поташов написал заявление об увольнении. Дождаться звонка из ФСБ он «не стал».

— На этом моя официальная карьера журналиста окончилась, и я так понимаю, что путь в карельскую журналистику для меня закрыт. Ещё немаловажный момент: я довольно резко высказывался о том, о чём не мог писать в СМИ, на своей странице в фейсбуке (*признан в России экстремистской организацией*) и в своём [телеграм-канале](#). И думаю, что мои посты раздражали ФСБ и наши власти ещё больше, чем публикации в «Столице на Онего».

По словам журналиста, никто из сотрудников издания, где он работал, не поддерживает *******[«спецоперацию»] в Украине, но протестовать против его ухода коллеги не стали. Он отнёсся к этому с пониманием, потому что «когда у тебя ипотека и дети, особо выступать не будешь».

Те, кто всё же не боится открыто выступать против российского вторжения, вызывают у Поташова уважение. Он говорит, что [появление](#) Марины Овсянниковой с антивоенным плакатом в эфире программы «Время» стало лучшим, что он видел на федеральных каналах за последние годы. Он не сомневается в искренности её поступка, потому что «в нём был реальный риск серьёзного уголовного наказания».

— Думаю, одним этим поступком она «оправдала» всё то, чем занималась на Первом [канале] прежде. Как и [редакторы «Ленты.ру»](#). А вот громкие заявления тех, кто работал на пропаганду, но потом спокойно уехал из страны и «вдруг прозрел», меня совершенно не тронули (*Валерий Поташов говорит о журналистке Первого канала [Жанне Агалаковой](#) и ведущей программы «Сегодня» на НТВ Лилии Гильдеевой, которые начали высказываться против***[«спецоперации»] уже будучи в Европе, — Прим. ред.*).

У Валерия была возможность работать за границей — «скандинавские коллеги предлагали», — но журналист не захотел оставлять в России свою пожилую мать. Он перебрался на дачу и рассчитывает пожить там до осени, поскольку он теперь совсем свободен — «без профессии, работы и долгов».